

ВСЕВОЛОД БЕНИГСЕН

.....

Закон Шруделя

*Эту книгу
рекомендуют
вам 100
читателей*

О тех чудесных временах,
когда все было не так хорошо,
как сейчас...

Всеволод Бенигсен
Закон Шруделя (сборник)
Серия «Знак качества (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6994231
Всеволод Бенигсен. Закон Шруделя: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70750-8

Аннотация

Света, любимая девушка, укатила в Сочи, а у них на журфаке еще не окончилась сессия.

Гриша брел по Москве, направился было в Иностранную библиотеку, но передумал и перешел дорогу к «Иллюзиону». В кинотеатре было непривычно пусто, разомлевшая от жары кассирша продала билет и указала на какую-то дверь. Он шагнул в темный коридор, долго блуждал по подземным лабиринтам, пока не попал в ярко освещенное многолюдное фойе. И вдруг он заметил: что-то здесь не то, и люди несколько не те... Какая-то невидимая машина времени перенесла его... в 75-й год.

Все три повести, входящие в эту книгу, объединяет одно: они о времени и человеке в нем, о свободе и несвободе. Разговор на «вечные» темы автор облачает в гротесковую, а часто и в пародийную форму, а ирония и смешные эпизоды соседствуют порой с «черным», в английском духе, юмором.

Содержание

Закон Шруделя	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Всеволод Бенигсен

Закон Шруделя

Серым семидесятым посвящается

Закон Шруделя

– Если у Замятина в его романе «Мы» политическая цель противоборствующей стороны ясна и объяснима – задавить личность и превратить всех в стадо, то в «Процессе» Кафки никакой ясности нет. Мир абсурда выдвигает разумные аргументы, логически доказывая правоту своего безумия. Волей-неволей засомневаешься, кто тут безумен. Вспомните, что даже кэрролловская Алиса не фыркает от возмущения, когда чеширский кот говорит ей, что все, включая ее, «не в своем уме». Она только вежливо спрашивает о причинах такой уверенности. «Иначе бы ты здесь не оказалась», – отвечает кот. Его довод кажется ей «не очень убедительным», но не более. А между тем примерно в то же время, когда был написан пугающий своей безысходностью «Процесс», соотечественник Кафки, родившийся, кстати, с ним в один год, Ярослав Гашек, предложил совершенно иную формулу разрешения этого конфликта. Он не хуже Кафки или Замятина чувствовал наступление эпохи тотального абсурда, однако намеренно поместил в самый центр свихнувшейся от войн и бюрократии Европы человека, который не только выжил в этой физической и психической мясорубке, но и прекрасно себя в ней чувствовал. Бравый солдат Швейк продемонстрировал новую модель поведения в условиях абсурда – полное принятие законов новой реальности и подыгрывание им по мере сил.

«Все остальные, в том числе и трое умирающих чахоточных, были признаны годными для фронта», – пишет с иронией Гашек, и нам остается только удивляться безумной логике военачальников, которые посылают на смерть умирающих. Не правда ли, напоминает реплику Собакевича, который о мертвых крестьянах, говорит, возможно, они «попримрут» в дороге? Но Швейка это совершенно не удивило бы. По крайней мере, когда его ведут на расстрел, один из конвойных, желая понять, за что же Швейку такая участь, говорит: «Ни за что ни про что человека не вешают. Должна быть какая-то причина». На что Швейк рассудительно отвечает: «В мирное время, может, оно и так, а во время войны один человек во внимание не принимается. Он должен пасть на поле брани или быть повешен дома!» По сути, его ответ не менее абсурден, чем вышеупомянутый приказ об отправке на фронт умирающих. Но абсурд нивелирует абсурд, и Швейк выходит невредимым из всех коллизий. Это то же самое, как если бы Йозеф К. из «Процесса», узнав, что «попал под арест», пришел бы в канцелярию суда с идиотской счастливой улыбкой на лице и заявил, что хочет сдать властям добровольно. Он готов подписать любое обвинение и просит расстрелять или даже зарезать его немедленно, «как собаку». Вполне возможно, что столь непредсказуемая и абсурдная реакция стала бы его спасением. Абсурд теряется перед лицом абсурда. Именно это и происходит со Швейком – его безоговорочное принятие на веру всех нелепейших пропагандистских лозунгов обескураживает и раздражает тех, кто этим абсурдом заправляет. Покорность Швейка они принимают за издевательство. Им кажется, что перед лицом сурового наказания или смерти он снимет маску и наконец откроет свое истинное лицо. Но когда и это не срабатывает, они просто начинают считать его непроходимым идиотом и оставляют в покое. Теперь они сосуществуют мирно и абсолютно параллельно друг другу: Швейк сам по себе, абсурд сам по себе. Правда, есть одно «но». Герой Гашека далек от рефлексирующих героев Кафки или Свифта. И действует интуитивно. Но представим себе произведение, где глав-

ным героем был бы интеллигентный человек или, скажем, группа таковых, которые сознательно и простодушно поддакивают миру абсурда, а на деле живут в своем собственном мире, возможно, не менее абсурдном, но живом и человеческом. Так под внешне спокойной поверхностью застоялой воды прекрасно размножаются всякие микроорганизмы. Впрочем, ни в одном произведении подобного жанра герой не решается добровольно остаться в этом мире. Контакт так или иначе прерывается. Миру абсурда не перевербовать героя. Хотя иногда казалось, что это возможно, ведь внешне алогичное имеет свою внутреннюю логику, которая не может не завораживать. Однако двадцатый век продемонстрировал одну страну, где такое фактически осуществилось. Начиная с Зощенко и продолжая Войновичем и Довлатовым, советская литература пыталась отразить эту странную раздвоенность бытия. Даже, а может быть, и в большей степени, это касается, как ни странно, периода застоя, тех самых семидесятых...

На этих словах лектор, сухопарый и седовласый мужчина лет пятидесяти, заметил оживление аудитории, вскинул правую руку и глянул на часы.

– Уууу, – театральнo поморщился он, – кажется, я увлекся. Прошу прощения. Вторую часть мы отложим до следующего воскресенья. Всех жду ровно через неделю на последней лекции семинара. Спасибо.

Тут же захлопали крышки парт, и немногочисленные слушатели повалили к выходу. Профессор начал собирать разложенные на кафедре книги и листки. Когда он все упаковал в небольшой кожаный портфель и начал борьбу с непослушным заедающим замком, к нему подошел один из студентов – парень лет двадцати, Гриша Гранкер.

– Здравсьте, Михаландреич.

– А-а, – радостно откликнулся профессор, отрываясь от портфеля, – Гранкер! Очень хорошо, что подошли. Я как раз хотел по поводу вашей курсовой поговорить. Прочитал ваш черновой вариант.

Студент хотел возразить, что это был вообще-то чистовой вариант, но промолчал.

– Кое-что довольно любопытно, тем более что тема семидесятых мне чрезвычайно близка. Но в основном это, простите за нефилологический термин, ерунда. То есть очень поверхностно.

– Что именно? – растеряннo спросил студент.

– Вот у вас через каждое слово то «серость», то «застой», то «застой», то «серость»... А что такое серый цвет, как не смесь черного и белого, а? Причем, заметье, черное и белое – ярко выраженные цвета. Стало быть, и однозначные. А не является ли однозначность в таком случае подлинной серостью в переносном смысле? И не может ли так оказаться, что относительное благополучие и свобода нашего времени не менее, а то и более серо, чем тот пресловутый застой, в котором мы жили в 70-е и 80-е?

– Но...

– Да я понимаю, – рассмеялся профессор. – Это звучит как казуистика, но суть в том, мой юный друг, что это было пре-крас-но-е время. Сложное, странное, неоднородное, и потому прекрасное. Ну, конечно, шестидесятые кажутся интереснее! Но ведь они и попроще. Дали свободу, свободу взяли. Сколько дали, столько и взяли. Хотели взять больше – получили по рукам. А тут... А, может, вам кажется, что я просто романтизирую свою молодость?

Гранкер хотел сказать, что ему ничего не кажется, но профессор уже понесся дальше:

– Нет, это не так! Да, я был молод, но я получал зарплату, занимаясь своим прямым делом – преподаванием. А не бегал с высунутым языком в поисках бесконечных подработок. А какие нам устраивали поездки! Да я за счет государства весь Союз объездил! А тяга к искусству? Да, моду задали шестидесятые, но она сохранялась и в семидесятые. Вы можете возразить, что это мода, а мода поверхностна и преходяща. А я скажу, да, пускай мода! Но дайте мне сейчас хотя бы такую моду! Чтобы пару «родных» джинсов можно было обменять

на два билета в театр на Таганке. А билеты в свою очередь можно было бы обменять на фирменную пластинку «Битлз». А пластинку «Битлз» на очки «кошачий глаз». А очки на фестивальнй фильм в «Иллюзионе». А фильм в «Иллюзионе» на роман «По ком звонит колокол» Хемингуэя. Ха-ха! Вот он, культурный обмен семидесятых! Разве такое сейчас увидишь? Все обожрались и поглупели. А вы вот так, одним махом, раз, и все – застой-отстой. Да мы, если хотите знать, жили! По-настоящему. А не существовали, как большинство людей сейчас. Подумайте, почитайте, пошевелите мозгами. Вы же неглупый молодой человек! Через неделю придете, надеюсь?

Обескураженный горячей отповедью преподавателя Гриша кивнул.

– Ну и славно, – сказал профессор и, подхватив портфель под мышку, пошел на выход. Гриша поплелся следом.

Семинар разбил день, и теперь студент журфака МГУ Гриша Гранкер находился в каком-то подвешенном состоянии: дома делать было нечего, а его девушка Галя, которую все звали по-шестидесятнически Галка, умотала на каникулы в Сочи. Были еще друзья-приятели, но один из них лето традиционно проводил на даче, валяясь на диване перед телевизором, другой пахал на семи работах и был вечно занят, третий урывал для встречи в каком-нибудь кафе жалкие полчаса, а потом куда-то улетал, оставляя Гришу наедине с неоплаченным счетом, четвертый находился в вечной депрессии от жизни, болезней, ссоры со своей девушкой (нужное подчеркнуть), пятый... и так далее. А Грише, как назло, хотелось с кем-нибудь пообщаться.

«Может, в «Иностранку» махнуть?» – подумал Гриша. Во-первых, он давно собирался прочесть какую-нибудь классику на немецком языке, который со школьных времен прекрасно помнил и постоянно практиковал, а во-вторых, там часто сидел занятный старик лет семидесяти пяти, который, несмотря на возраст, был резв на язык и с удовольствием травил байки из своей бурной биографии. Узнав, что Гриша учится на журфаке, новый знакомый и вовсе к нему прикипел, поскольку сам некогда занимался журналистикой. Самое смешное, что Гриша так и не удосужился спросить имя старика – они просто здоровались и сразу начинали болтать. «Эх, жаль, что у нас столько лет разницы, – думал иногда Гранкер, – будь он помоложе, такому бы приятелю цены не было». Старик поведал, что именно здесь, в библиотеке иностранной литературы, он когда-то встретил свою большую любовь, и, возможно, поэтому ему так нравится сюда приходить. Что стало с той большой любовью, Гриша не спрашивал, но из случайно оброненных фраз понял, что в свое время она умотала в Америку, выйдя замуж за своего бывшего мужа со смешной фамилией Доберман, с которым ради отъезда снова сошлась. Жизни в СССР она предпочла эмиграцию. А старик (тогда, конечно, еще далеко не старик) с горя запил. Карьерные амбиции ушли на второй план, жизнь понеслась под откос. Будь с ним рядом женщина или просто друг, они бы, возможно, сумели уберечь его от пьянства. Но никого в тот момент рядом не оказалось.

Эту тему Гриша старался лишний раз не затрагивать. Ему просто нравилось болтать с новым знакомым, и потому поход в «Иностранку» в этот летний день показался ему из всех вариантов наиболее стоящим.

По дороге он снова погрузился в грустные размышления о Галке, которая умотала на море в сомнительной компании однокурсников. Сомнительной эта компания была потому, что Галка училась в хореографическом училище, а Гриша не встречал более развратного народа, чем танцовщики. Понятие верности было для них чем-то безнадежно устаревшим, чем-то из разряда «любви до гроба», то есть где-то вроде есть, но при чем тут мы? А секс воспринимался ими как нечто, не имеющее никакого отношения к любви. Что же до Гриши, то он Галку любил. Ну, или думал, что любил – в молодости желаемое сливается с действительным. И чем чаще слышал от нее фразу «Не надо меня ревновать», тем больше подозре-

вал, что основания для ревности есть. И тем больше ему хотелось пойти и спалить хореографическое училище к чертовой бабушке, со всеми их станками, репетиционными и что там у них еще. И даже сейчас, несмотря на отчаянное сопротивление невыспавшегося мозга, эта мысль буравила Гришино сознание, не давая думать ни о чем ином. Тем не менее он силой заставил себя переключиться на другие темы – например, на впечатления о просмотренном вчера фильме. Правда, тут же наткнулся на непредвиденную беду – он ни-че-го не мог вспомнить. Фильм был связный, понятный, но при этом не оставлял никакого следа ни в голове, ни в сердце. Тогда Гриша начал думать о грядущем дне рождения Галки, но понял, что и эта тема не способна его увлечь. На ее прошлогодний день рождения он попытался пообщаться с ее друзьями, но оказалось, что, несмотря на свое прямое отношение к миру искусства, само искусство их не шибко интересовало. Они с упоением, свойственным обычной молодежи, говорили о каких-то голливудских звездах, модных журналах и анимэшных мультфильмах. При этом с трех нот могли угадать любой балет, пить вино, стоя на одной ноге и задрав другую так, чтоб можно было прижаться лицом к ступне, а на следующий день пахать восемь часов у станка. Поразительное сочетание узкопрофильности мышления и изнурительного физического труда. «Надо же, – подумал тогда Гриша, – такая убогость внутри многообразного мира искусства».

Размышляя о дьявольской природе развратного балетного сообщества, он не заметил, как где-то в небесном компьютере произошел сбой и случилось то, чему, собственно, и посвящен наш рассказ.

Еще недавно Земля была круглой, дважды два равнялось четырем, законы физики казались непреложными, а поступательное движение истории естественным. Все переменялось в то злополучное утро по-московски жаркого летнего дня, когда Гриша Гранкер, студент третьего курса журфака МГУ, вышел из метро «Китай-город» и направился в библиотеку иностранной литературы, что недалеко от Котельнической набережной. Время близилось к полудню. Раскаленный воздух дрожал под лучами нещадно палившего солнца, и все вокруг ходило ходуном, словно плавилось на целлулоиде застрявшей в кинопроекторе пленки. И предметы, и люди, осоловев от духоты, плавали в этой кисельной массе в немом ожидании хоть какого-нибудь ветерка. В такие дни все в природе становится неестественно живописным: синее небо с белыми облачками напоминает плоский театральный задник, пыльные деревья с замершими от безветрия листьями кажутся пластиковыми декорациями, а солнце заливают все таким ядовитым ярко-желтым светом, словно Господь Бог решил взять пару уроков живописи у Ван Гога, который, конечно же, первым делом заказал цистерну неаполитанской желтой. В такие дни люди на улицах стараются не злоупотреблять опорно-двигательным аппаратом, говорят редко и негромко. Даже мыслительный процесс становится занятием мучительно трудоемким (впрочем, таковым он является для многих в любую погоду).

В 11.50 на Гришин мобильный пришло сообщение от приятеля, который просил одолжить ему тысячу-другую рублей. В ответном сообщении Гриша решил не растекаться мыслью по древу и просто написал «Увы». Денег у него действительно было немного – что-то подкидывали родители, что-то зарабатывал сам, кропая всякую ерунду для небольшого интернет-портала. Но всего этого было, к сожалению, недостаточно, чтобы отправиться вместе с Галкой на чертово море. Иначе на кой хрен ему было торчать в пыльной Москве? С другой стороны, на кой хрен он сдался Галке, которая наверняка мечтала вырваться из-под его ревнивой опеки.

Уже на подходе к цели своего путешествия Гриша кинул взгляд на кинотеатр «Иллюзион», что в высотном здании неподалеку от библиотеки, и решил посмотреть, что там сегодня идет.

«Старик никуда не денется, он в читалке часами торчит, а сейчас всего полдень», – подумал он, подчинившись спонтанному желанию.

У входа в «Иллюзион» было пусто. Двери закрывала зеленая строительная сетка. Напротив на асфальте стояли ведра с краской и кистями. Рядом – обломки каменных плиток.

«Ремонт, наверное», – подумал Гриша. Правда, работяг нигде не было видно, но, возможно, у них был обеденный перерыв.

Он направился к соседнему входу с надписью «Кассы». Потянул массивную дверь и вошел. Внутри было пусто и прохладно. В окошке, зевая от скуки, сидела немолодая кассирша.

На Гришин вопрос о расписании она вздрогнула и нечеловеческим усилием воли подавила очередной зев.

– Молодой человек, там же все написано.

Гриша поднял глаза на расписание: 12.20 – «Великая иллюзия» (1937, реж. Ж. Ренуар, в гл. рол. Ж. Габен).

– Старый фильм, что ли? – спросил он, понимая идиотизм вопроса.

Кассирша промолчала.

– Ну, дайте тогда один билет.

Гриша протянул сотенную купюру. В ответ получил серую бумажку с фиолетовым штампом.

Он уже было направился к выходу, как кассирша его окликнула:

– Молодой человек, вы там не пройдете, главный вход на ремонте.

– А куда ж идти? – растерялся Гриша.

– Я вам открою дверь, пройдете через нас.

Она щелкнула ключом и распахнула деревянную дверь рядом с окошком.

– Вы что ж, всех так пускаете?

– Да не больно-то много рвется в выходной день с утра, – пробурчала та.

Оказавшись в полумраке узкого пространства, Гриша стал вертеть головой.

– А дальше куда?

– Вон туда. Спуститесь вниз и выйдете прямо в фойе.

Кассирша легонько подтолкнула его в какой-то проход и закрыла за ним дверь.

Вокруг Гриши тут же сгустилась темнота. Он сделал несколько неуверенных шаркающих шагов вперед и тут же уперся в стену. Стал водить ней руками – пальцы нащупали что-то похожее на металлическую дверную ручку. Чертыхаясь, надавил на ручку и шагнул снова куда-то в темноту. Но едва не полетел кувырком – под ногами оказались ступеньки. Первым желанием было вернуться к кассирше и потребовать, чтобы она его проводила до конца, но потом решил, что не лабиринт же здесь – куда-нибудь да выйдет. Спустившись почти на ощупь по ступенькам, он очутился в каком-то длинном коридоре, слабо подсвеченном одинокой лампочкой.

«Мать твою», – выругался Гриша, переступая через какие-то металлические коробки и макулатурные подшивки. Отовсюду веяло подвальной сыростью. Где он и куда идти, было совершенно непонятно.

«Прошу считать меня коммунистом», – прошептал он сам себе и, достав мобильный, стал подсвечивать дорогу «горящим» дисплеем. Никакой «ясности» свет мобильного в обстановку не привнес, но по крайней мере можно было идти, не боясь свернуть себе шею. Гриша посмотрел на время. До начала сеанса оставалось еще десять минут. Самое интересное, что телефонный сигнал сюда уже не доходил – «палочки», отвечающие за качество связи, исчезли с дисплея.

«Если окончательно заблужусь, даже позвонить не смогу», – подумал Гриша, проклиная свое спонтанное синефильство.

Наконец, впереди замаячила очередная дверь. Чувствуя растущую нервозность, Гриша решительно распахнул ее и снова оказался в каком-то коридоре. При этом больно стукнулся головой о притолоку, но уже было не до боли.

«Все, писец. Еще полчаса такого блуждания, и я выйду через канализационный люк где-нибудь в районе Кремля. Самое интересное, что если я даже захочу вернуться, то дорогу назад уже не найду».

Минут через пять неуверенного передвижения в темноте полубоком в стиле «краб» он уткнулся в какую-то небольшую дверь.

«Если за ней снова коридор, начну кричать и плакать».

Он мысленно перекрестился и открыл дверь. В глаза ударил яркий свет – Гриша стоял в предбаннике перед входом в фойе, по другую сторону от главного входа.

«Ну, слава богу», – подумал он с облегчением, шурясь от внезапного «прозрения». Первое, что его удивило – это то, что никаким ремонтом тут и не пахло. Все было чисто и прибрано. Но самое интересное, что по фойе ходили перешептывающиеся зрители. Откуда они взялись, если еще десять минут назад на улице не было ни души?

– Билетики, пожалуйста, – сказала стоящая в дверях администратор.

Все еще шурясь от света, Гриша протянул серую шершавую бумажку. Только сейчас он понял, что все это время держал ее в липкой от пота руке.

Администраторша равнодушно надорвала билет.

«Фигня какая-то, – думал Гриша, проходя к буфету, где толпилась куча народу. – Соврала кассирша... Прямо лом какой-то».

Было в этой толпе еще что-то, что смущало, но что именно, Гриша никак не мог понять.

– Что, хороший фильм? – спросил он у высокого бородача с забавными баками и в вельветовом пиджаке, занимая за тем очередь в буфет.

Бородач подозрительно оглядел Гришу с ног до головы.

– Откуда ж я знаю? Раз не наш, ясно, что не фуфло.

Гриша, который за всю свою короткую жизнь посмотрел довольно много «не нашего» фуфла, слегка удивился столь категорично позитивной оценке всякого заграничного творчества, но промолчал. Бросил взгляд на выставленную в буфете снедь и слегка растерялся – небогатый выбор малоаппетитных пирожных, пара сортов бутербродов, никаких кока-кол и энергетических напитков. Зато в большом допотопном стеклянном конусе, установленном на прилавке, плескался яблочный сок с мякотью, который Гриша любил еще с детства.

Он пошарил в заднем кармане джинсов и посмотрел на ценники. И тут неприятный холодок впервые пробежал по его спине. Цены были указаны в копейках.

«Наверное, перепутали что-то», – попытался он себя успокоить, но почему-то еще больше разволновался.

В этот момент зазвенел звонок, и все устремились в кинозал. Гриша понял, что перекусить ему уже все равно не успеть. Чертыхнулся и пошел за всеми.

Войдя в прохладное помещение зала, замер в недоумении: внутри яблоку негде было упасть. Некоторые молодые люди (явно студенты) сидели даже на ступеньках, некоторые стояли у стен.

Гриша взглянул на билет, понял, что его место у самой стены, и начал туда пробираться, неуклюже корябая животом спинки переднего ряда и стараясь не задевать сидящих сзади.

Через пару минут в зале наступила благоговейная тишина, нарушавшаяся покашливаниями и шепотом. Затем под внезапные аплодисменты на сцену пружинистой походкой поднялся, а точнее, взлетел, невысокий чернявый мужчина в кожаном пиджаке. Подошел к микрофонной стойке и кашлянул.

«Это еще кто?» – с тревогой подумал Гриша и осторожно покосился на соседей, но тех появление человека на сцене почему-то не удивило.

– Сегодня, – бойко начал мужчина, хитро поглядывая в зал, – вам предстоит посмотреть удивительную картину Антониони «Профессия: репортер».

– Блин, – тихо чертыхнулся Гриша, – фильм поменяли. Ну хоть бы предупреждали!

– Удивительна она хотя бы тем, – продолжил человек на сцене, – что вам предстоит ее посмотреть.

В зале засмеялись.

– ...посмотреть почти в то же время, – продолжил мысль ведущий, хитро улыбнувшись, – что и зрителям за рубежом. Что уже, – тут он издал саркастическое «кхе-кхе», – неплохо. Картина пока не куплена нашим прокатом, но, будем надеяться, это вопрос времени. Антониони в особом представлении советскому зрителю не нуждается...

Словосочетание «советский зритель» резануло Гришин слух, и он снова глянул на соседей, но все проглотили эту фразу выступающего, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

– Оговорился, – стал успокаивать себя Гриша.

Тем временем мужчина на сцене от общих слов перешел к состоянию современного итальянского кинематографа, рассказал о творчестве Антониони, метнулся к истории европейского кино и, вернувшись, собственно, к фильму, пожелал зрителям приятного просмотра. Все бурно зааплодировали, а он положил набок микрофонную стойку, спустился со сцены и все той же пружинистой походкой направился к дверям. Пару раз он притормаживал, чтобы ответить на вопросы зрителей, один раз засмеялся, схватившись за голову, один раз отрицательно покачал головой и наконец, добравшись до двери, выбежал в фойе.

В зале воцарилась почти гробовая тишина, и свет начал медленно гаснуть.

Картина была неторопливая, но зал смотрел на экран, затаив дыхание. Особенно Гришу поразил голос переводчика, который явно сидел где-то здесь и переводил фильм синхронно. Самым же странным было то, что Николсон, игравший человека, который берет чужой паспорт и начинает чужую жизнь, был вопиюще молод. Каким макаром в «нашем прокате» эта картина еще не появилась, Гриша, сколько ни тужился, понять не мог – старая ж картина, чего ей в прокате делать?

Когда сеанс закончился, все повалили на выход. Только почему-то не обратно в холл, а через высокие деревянные двери с обеих сторон от экрана прямо на улицу. Гриша попытался вернуться в фойе, так как хотел купить какой-нибудь воды в буфете, чтобы смочить пересохшее горло, но его остановила строгая билетерша.

– Товарищ, товарищ! Вы куда? Выход там.

– Но мне бы воды купить.

– Купите на улице.

Гриша чертыхнулся, но спорить не стал и, поправив сумку, побежал догонять последних выходивших.

На улице было все еще жарко, хотя казалось, что уже не так, как до сеанса. Гриша постоял несколько секунд, щурясь на солнце, а затем побрел обратно к Китай-городу. Все попытки задуматься о просмотренном фильме таяли, как мороженое на солнцепеке.

Зато почему-то вернулись мысли о Галке. Гриша попытался представить, чем она там сейчас занимается, но чем больше старался вообразить что-то приличное, тем настойчивее перед глазами вставало что-то неприличное. Погруженный в тревожную задумчивость, он дошел до трамвайных путей, где ему пришла очередная спонтанная идея не идти пешком до Китай-города, а проехать на трамвае до Новокузнецкой.

Удача был положительно на его стороне – дребезжащий трамвай, как по заказу, появился буквально через минуту. Гриша нащупал студенческий на всякий пожарный, дождался, пока откроются двери, и запрыгнул в полупустой трамвай. Первое, на что наткнулся его взгляд, был аппарат с билетиками. Таких он уже давным-давно не встре-

чал. Под стеклянной поверхностью крышки аппарата на широкой резиновой ленте лежали копейки советского образца, а сбоку торчал кусок ленты. Казалось, кроме Гриши, никого не удивляет присутствие этого раритетного чудища. Более того, один из вошедших пассажиров невозмутимо кинул трехкопеечную монету в аппарат и ручкой «выкрутил» себе один из таких билетиков. Вот тут-то по Гришиной спине снова пробежал неприятный холодок. Неожиданно сотни деталей последних часов слились воедино и строем двинулись на его мозг. Мысли о Галке испуганно съезжились и отступили на какой-то далекий второй план. Тишина в кинозале вдруг объяснилась непривычным отсутствием звуков мобильных телефонов. Затем всплыл странный бородач с баками, «оговорка» ведущего про «советского зрителя», а следом давно забытое обращение «товарищ!», произнесенное слишком молодой для подобного атавизма билетершей. Гриша почти физически ощутил шевеление волос на голове.

– Спокойствие, только спокойствие, – сказал он сам себе, сглотнув комок в горле.

Но какое уж тут, к черту, спокойствие?

Метнулся к окнам трамвая и стал жадно разглядывать пробегающий мимо летний пейзаж. Первое, что бросилось в глаза, – это отсутствие какой-либо рекламы. Второе – люди. Они были одеты НЕ ТАК!

– Стоп, – воспротивился практичный разум, – а как они должны быть одеты?

– Не так, и все! – гаркнуло в ответ подсознание, и этот наглый ответ был, увы, убедительнее всех прочих доводов.

Дальше в Гришиной голове начался подлинный сумбур. В спор между голосом разума и голосом интуиции влезли еще какие-то голоса. Один, особенно омерзительно писклявый, видимо, отвечавший за настроение и душевное состояние, начал визжать, что все пропало, жизнь пришла к логическому финалу, надо кончать с этим позором, а именно сигануть в окно, да и дело с концом. Тут все голоса заверещали одновременно, перебивая и споря друг с другом. Они то тыкали, то выкали, то вообще говорили от первого лица.

– Надо спросить у кого-нибудь...

– Что спросить?

– Не знаю... какой год, например?

– Ну и что это даст?

– По крайней мере, буду хоть в чем-то уверен.

– А, может, просто домой поехать?

– А он есть?

– А когда это началось?

– Что?

– Сумасшествие.

– А кто сказал, что это сумасшествие?

– Стоп-стоп! Заткнитесь все! Может, я сплю?

– Ага. Ты еще ущипни себя, как в плохих комедиях. Детсад!

– Стоп. А ведь с того времени, как я получил смс от Костика, мне никто не писал и не звонил на мобильный.

– А тебе так часто пишут?

– А когда это было?

– Да все тогда же... Я вышел из метро, потом смс, потом кино...

– Стоп. А потом был долгий проход по катакомбам «Иллюзиона»!

– Точно!

– Что «точно»? Ты вышел не в том времени, что ли?

– Слушай, а может, это просто кино снимают?

– А где камеры?

– Тогда телевизионный розыгрыш.

– Не похоже.

– Бросайся под трамвай! – заверещал голос душевного состояния. – Если это сон, то ты проснешься!

– Я не могу броситься под трамвай, потому что я в нем еду.

– Значит, выйди и бросься!

– Заткнитесь все!!! – закричал голос разума. – А если это не сон?!

В эту секунду трамвай заскрежетал дисками колес и остановился напротив «Новокузнецкой». Гриша пулей вылетел в распахнутые двери и понесся к метро, стараясь не поднимать глаза на окружающую действительность, словно она была заразной. Мимо телефонных будок с дисковыми телефонами, мимо аппаратов с газированной водой, мимо пивного ларька с надписью «Пива нет», накорябанной на куске картона... Мимо... мимо... Но, влетев в прохладу вестибюля метро, он понял, что худшие опасения подтвердились – со стен трофейными головами убитых динозавров на него смотрели допотопные разменные аппараты с отверстиями для 15– и 20-копеечных монет, а из их чрева вываливались тяжелые пятаки, которые пассажиры кидали в узкую щель мигающих то белым, то красным глазком турникетов. В общем, мимо шли не так одетые люди и кидали неправильные деньги в неправильные аппараты. И вокруг бурлила не-пра-виль-ная жизнь.

Гриша зажмурился и закрыл ладонями уши.

– Спокойно, – сказал он себе, сжав зубы. – Тут два варианта – либо махнуть домой до Белорусской, либо... либо вернуться назад к «Иллюзиону».

– Товарищ! Э-эй, молодой человек, вам плохо?

Гриша открыл глаза. На него участливо смотрела невысокая девушка с самодельной джинсовой сумочкой через плечо, на которой бисером было вышито «Sveta».

– Мне? – спросил Гриша и глянул по сторонам. – Да. То есть нет. То есть то, что нехорошо – это точно. Извините, девушка, не знаю вашего имени, видимо (он посмотрел на сумку), Света... а как мне лучше проехать до... эээ... Тверской... то есть Горьковской?

На последнем слове он сделал особенный упор. Вопрос девушку не смутил, и она четко ответила: «Проедете площадь Свердлова и выйдете на следующей».

Гриша тихо застонал и даже покачнулся.

– Да это близко, – испуганно затараторила девушка. – Всего пять-шесть минут.

– Нет, – сказал Гриша, – это дальше, чем вам кажется.

Света пожала плечами и прошла через турникет, бросив в щель увесистый пятак.

Гриша же стоял, замерев, словно был статуей будущего строителя капитализма посреди коммунистического рая. Но вскоре оцепенение спало, и он выбежал на улицу. Там, отойдя в тень ветвистого тополя, достал мобильный. Сигнала, естественно, не было, смс не проходили. Только сейчас Гриша заметил, что на улице не было иномарок – сплошные «волги», «жигули» и «москвичи». Он посидел минуту в раздумье, а затем рванул к трамвайным путям и дальше, в сторону Котельнической набережной. Расстояние, которое он на трамвае проехал за шесть минут, сейчас было покрыто пешком примерно за то же время. Правда, на сей раз минуты показались вечностью. Когда же, обливаясь потом, подбежал к «Иллюзиону», то растерянно замер – на дверях красовалась табличка «Закрето».

Что «закрето»? От кого «закрето»? На сколько «закрето»? Никаких объяснений. Закрето, и все. Гриша начал было стучаться то в главную дверь, то в дверь кассы – нулевой результат. Может, разбить стекло и влезть? Успею убежать по коридору. А если не успею – там же тоже дверь.

– Стоп! – сказал он сам себе. – Кончай изображать алкоголика у закрытого ларька. Еще не хватало, чтоб вызвали милицию. Вот уж будет потеха! Паспорт у тебя российский.

Мобильный телефон в кармане. Деньги непонятные. Сразу ясно – шпион. Ох, черт! Еще и доллар железный в кошельке на память!

Доллар когда-то подарила ему Галка, вернувшись из гастрольной поездки с ансамблем в Америку.

– Так. Главное – взять себя в руки и продумать план действий, – подумал он, глянув исподлобья по сторонам – слава богу, зеваки разошлись. – Так... первым делом надо выяснить, какой год... Потом...

Что делать потом, оставалось за гранью понимания. Можно было бы, конечно, поехать домой, но маловероятно, что на Белорусской время идет иначе, чем здесь. А значит, ему откроют дверь чужие люди, и что?

Все в том же странном оцепенении Гриша побрел к Китай-городу. Смотрел исключительно под ноги. Так, он считал, больше шансов не свихнуться окончательно. Асфальт, он и есть асфальт. Не меняется. По крайней мере, в России. Но, проходя по Солянке, Гриша невольно обратил внимание на окно на первом этаже. Оно было распахнуто настежь, а на подоконнике сидела кошка и увлеченно грызла рыбью голову, заботливо положенную кем-то на газету.

Гриша посмотрел по сторонам – не видит ли кто, а затем подкрался к окну и согнал кошку. Та, пронзительно мяукнув, свалилась внутрь квартиры. Гриша брезгливо смахнул рыбью голову и вытянул газету. На титульной странице, где красовалось название издания – «Московский коммунист», стояла дата. 1952 год. «Значит, Сталин еще не умер», – подумал Гриша, и внутри у него как будто что-то оборвалось и понеслось вниз, как сорвавшийся лифт на дно шахты. Но лифт неожиданно дернулся и замер.

«А при чем тут «Иллюзион»? Вряд ли он существовал в сталинское время. Да и одеты при Сталине были иначе. Да и автомобили были другие».

– Тебе чего? – раздался сверху дребезжащий старушечий голос.

Гриша вздрогнул. Из окна на него смотрела бабулька лет семидесяти.

– Я это... газету взял.

– Зачем? Макулатуру, может, собираешь?

– А? Да, да, макулатуру собираю, – закивал он, как китайский болванчик.

– Так я тебе целую кипу этого добра сейчас дам, погоди. Ты поднимайся к шестой квартире – у меня все уже подвязано, просто сил нет выкинуть.

– Извините, а какое сегодня число?

– 27-е.

– Чего? Июля?

– Ну.

– 52-го года?

– Сам ты 52-го года! 75-го! Тьфу! Шутник нашелся, – разозлилась бабулька и захлопнула ставни.

Только сейчас Гриша заметил, что газета, которую он держал в руках, была уже заметно пожелтевшей.

– Пронесло, – подумал Гриша. – Значит, так. Рассуждаем логически. Если я в 1975-м, то... во-первых, я не родился, и даже родители еще не познакомились. Мама еще живет в Минске, а отец служит в ГДР. Во-вторых... до перестройки еще десять лет. Десять лет! Десять лет советской тюрьмы. В 1985-м мне будет тридцать два, а в 2008-м, значит... пятьдесят пять. Боже мой, а Галке будет... будет... Да какая разница?! Сколько бы ни было Галке, главное, что мне будет пятьдесят пять!

«Может, и вправду под трамвай сигануть, – мелькнула дурацкая мысль, но умирать почему-то все равно не хотелось. Даже если б на дворе был 1937-й, он и то вряд ли бросился бы под трамвай.

Черт, как же все это случилось?! А может, все как-то еще повернется? Ладно, это уже другой вопрос – сейчас надо как-то выживать... где-то ночевать, деньги зарабатывать.

Целый час Гриша бродил по городу, как пьяный. В голову лезли дурацкие мысли, и он им не препятствовал. Можно даже сказать, он их не осознавал. Они жили какой-то своей отдельной жизнью. Очнулся он только тогда, когда заметил, что находится уже где-то в районе Ярославского вокзала. Как он туда добрался, понятия не имел.

«И ведь, как назло, я ни хрена не смыслю в точных науках, – с тоской подумал Гриша, – а ведь мог бы сейчас какую-то микросхемку изобрести по второму разу, ну, для этого года в первый раз. Стал бы миллионером. Хотя какие на хрен миллионы? Я ж в коммунизме. Но все равно. Историю свою тоже не знаю. Мог бы сейчас предсказывать будущее... хотя наверняка в психушку посадят за такую частную деятельность. Черт возьми! Надо же хоть какую-нибудь выгоду из этого перемещения извлечь. Но какую?! Так... я заканчиваю журфак, значит я – кто? Правильно. Журналист. Будущий. А я где? Я в прошлом. Стоп!»

Только сейчас Гриша понял, что по-прежнему держит в руке макулатурную газету. Он расправил скомканную бумагу. На последней странице газеты стоял адрес редакции. Выходила ли она еще в 75-м, фиг знает, но попытка ведь не пытка.

«Оно, может, и к лучшему, – размышлял Гриша, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах от ходьбы – без образования и документов в солидную газету не возьмут, а тут, глядишь, и проскочу. Хотя бы на время... А там в «Иллюзион» и обратно!»

Очевидно, «Московский коммунист» почил в бозе, ибо на его месте теперь был «Московский пролетарий». «Один хрен», – подумал Гриша и толкнул входную дверь.

По коридорам редакции бегали какие-то безумные люди с выпученными глазами и взъерошенными волосами.

Кто-то ронял кипу бумаг и тут же начинал судорожно собирать ее, выдергивая листки из-под ног пролетающих мимо людей, кто-то, погруженный в чтение рукописи, задумчиво брел, черкая в ней на ходу карандашом и натываясь на неожиданные преграды в виде людей.

Не был бы Гриша уверен, что на дворе стоит 75-й год, он бы решил, что попал в двадцатые годы прошлого века – именно так он себе представлял газетные редакции ильфовских времен.

По отдельным выкрикам бегающих Гриша понял, что номер надо нести в типографию, а он еще толком не сверстан.

– Георгий Ильич, Георгий Ильич! – раздался за Гришиной спиной душераздирающий вопль пожилого человека в синей рубашке. От сильного волнения и суety бедняга вспотел и оттого в районе подмышек и на спине у него темнели пятна, образуя что-то вроде материков на карте мира. Пятно в левой подмышке напоминало Северную Америку, пятно в правой – Южную, а пятно на груди плавно принимало очертания Евразии.

Гриша отшатнулся от запыхавшегося бедолаги, а затем заметил невысокого лысоватого человека в очках, к которому, собственно, и обращался бежавший.

Георгий Ильич замер и, нахмурившись, недовольно пробурчал: «Ну, что там еще?»

– Георгий Ильич, – запинаясь, начал вспотевший, – международное положение горит!

– Здрасьте!!! – взорвался казавшийся до этого невозмутимым лысоватый. – А Синюшников где?!

– Запил, – виновато развел руками собеседник. – Я же говорил! Не надо было ему выдавать получку до воскресного номера.

– Черт-те что! Ну, напишите сами!

– Георгий Ильич, я и так опаздываю, у меня в парткоме заседание...

Тут он глянул на часы и печально добавил:

– ...уже началось.

– В воскресенье?!?

– Экстренное же. Вы ж меня туда сами послали!

– Я? Ах, ну да. Вот черт! Все сам! Все сам! Сам виноват! Сам отвечаю! – завопил редактор и вдруг заметил стоявшего неподалеку Гришу. – А вам, молодой человек, собственно, кого? – спросил он, спустив указательным пальцем по переносице очки и посмотрев на Гришу поверх стекол. – Вы вообще кто?

– Я? Студент. Журфака, – поспешно добавил Гриша.

– Значит, журналист будущий?

– Эээ... да, – кивнул Гриша, подумав, что слово «будущий» здесь более чем уместно, правда, в буквальном смысле, о чем главред и не подозревал.

– А к нам кем? Стажером?

– Вроде того.

– Имя-фамилия?

– Гриша Гранкер. То есть Григорий Гранкер.

– Гранкер? О, господи! Еще один на мою голову! – почти взвыл редактор.

– У вас уже есть Гранкер? – удивился Гриша.

– У меня в штате уже три «гранкера», – язвительно хмыкнул тот, – а именно: Шрудель, Вальдман и Гурфинкель. Двадцать одно. Очко. Больше – перебор. Ладно. Давай-ка ты будешь эээ... ну, хотя бы Гранковым. Идет? Нет, лучше Гранкин. А что? Очень даже журналистская фамилия. Хотя... – вдохнул он, – что Гранкин, что Гранкер – один хрен.

– Не, ну, я не против, – легко согласился Гриша, не очень понимая, почему Гранкин лучше Гранкера, если все равно «один хрен».

Редактор поправил очки и вдруг недоверчиво покосился на Гришу.

– Слушай, Григорий. А ты где-нибудь печатался?

– Ну... да.

– Где?

– Студенческая газета... потом в этой... в «Комсомольской правде».

Гриша пошел ва-банк.

– Да? – недоверчиво хмыкнул редактор. – Врешь, наверное. Впрочем, не до жиру. В другой ситуации я бы тебя и близко не подпустил к писанине, но... у меня горит номер. Вот тебе первое редакционное задание. Через полчаса нужна статья на тему международного положения. Андрей Федорович, – повернулся он к мужчине в синей рубашке. – Бери стажера. Дай ему пару номеров с Синюшниковым и введи в курс дела.

– Да я... – жалобно начал тот, с многозначительной досадой глянув на часы, но быстро сдался. – Ладно. Только быстро.

– Ты как, в политике разбираешься? – спросил Гришу Георгий Ильич.

– Не очень, – замялся Гриша.

– Плохо, – укоризненно произнес редактор. – Для журналиста главное – политическое чутье. Ну, ничего, Андрей Федорович научит. Дурное дело нехитрое. И чтоб чик-чик. Сразу ко мне потом дуй.

Он повернулся спиной и исчез за дверью кабинета, на которой висела потертая табличка «Главный редактор».

В кабинете Андрея Федоровича творился форменный беспорядок. На стене за рабочим столом висел покосившийся портрет Ленина. На полу валялись клочки бумаги, огрызки карандашей и картонные папки, а по всему периметру комнаты высились шаткие небоскребы из криво сложенных газет и книг. Довершало картину творческого ландшафта железное ведро, стоящее прямо в центре комнаты. В него с периодичностью в несколько секунд падала капля с протекающего потолка.

– Не обращай внимания – временные трудности, – сказал Андрей Федорович и, ловко маневрируя между небоскребами газет, пробрался к бумажной горе на столе и безошибочно выдернул из нее четыре номера «Московского пролетария». – Смотри рубрику «Мир и мы» Синюшникова и постарайся выжать из нее максимум.

– В каком смысле? – удивился Гриша.

– Во всех смыслах. Ты ж ни хрена не знаешь, правильно? Правильно. Значит, фантазируй, но вместе с партией. То есть гнишь с линией партии, но не перегибай. Понял?

– Понял, – сказал Гриша, хотя ничего не понял.

– Молоток, – хлопнул Гришу по плечу Андрей Федорович, – а я побежал. Поздравляю с началом трудовой деятельности!

Последнюю фразу он произнес, уже выбегая из кабинета.

Дверь хлопнула, и Гриша остался один. Чувствуя себя Гулливером в стране лилипутов, он боком протиснулся между нескольких газетных небоскребов к рабочему столу и там разложил последние выпуски «Московского пролетария».

Рубрика «Мир и мы» приятно удивила отсутствием какой-либо фантазии. Свой хлеб автор ел явно не зря, ибо придраться к отточенному слогу было невозможно. Словосочетания «чилийская хунта», «израильская военщина», «гидра капитализма», «свободолюбивый народ» и так далее железной поступью переходили из номера в номер, не оставляя живому слову ни малейшего шанса прорваться сквозь их стройные ряды. Менялись только заголовки, да и то скорее просто варьировались, складываясь при этом в какое-то причудливое графоманское стихотворение: «Проблемы обостряются», «Агрессор не унимается», «Напряженность сохраняется», «Провокации не прекращаются», «Разрядка намечается» и так далее. Гриша быстро изучил малооригинальный стиль Синюшникова и принялся за дело. Сначала его, конечно, так и подмывало написать что-то интересное и необычное, чтобы все оценили его талант, но он пресек это свободомыслие со всей решимостью, на какую был способен, и работа закипела. Собственно, ничего даже выдумывать не надо было – в Чили под неусыпным оком диктатора Пиночета болел и чах любимец советского народа Луис Корвалан, Израиль собачился с Ливаном, а Южная Корея с Северной. Все эти процессы были долговременными и стабильными, как сама советская власть. Посему, пролистав несколько номеров, Гриша бойко сочинил несколько заметок на все те же темы, надеясь только на то, что со вчерашнего дня Израиль не помирился с Ливаном, а Корвалан не помер.

Синюшников мог бы гордиться столь резвым учеником. Особенно удалась заметка под названием «Вылазка реакции». Она была собрана, как конструктор, из привычных фразеологизмов, в которые Гриша добавил чуточку личной фантазии. Но, в общем и целом, это был набор все тех же кубиков – «уже не в первый раз», «советский народ со всей решимостью», «и это тогда, когда все прогрессивное человечество», «спасая прогнивший режим» и так далее. Едва собрал листки, чтобы отнести материал главреду, как в комнату неожиданно заглянул мужчина неопределенного, но сравнительно молодого возраста с семитской внешностью и печальными глазами.

– Здравсьте, – неуверенно кивнул ему Гриша. Внешность гостя показалась ему знакомой, но откуда он мог его знать?

– Приветствую, – меланхолично отозвался тот. – А где Федор?

– Кто?

– Андрей Федорович. Это я его так зову.

– Ушел на совещание... в партком. Или горком. Какой-то ком.

– А ты кто? – спросил тот почти равнодушно.

– Стажер. Гриша. Гранкер. То есть Гранкин. В смысле, Гранкер.

– Аа, – разочарованно протянул мужчина. – Еще один инвалид пятой группы? Гидра сионизма проникает в наши сплоченные ряды? Понятно.

Гриша решил не возражать. Голова мужчины какое-то время помаячила в проеме двери, а затем всплыла внутрь, затягивая за собой остальное тело.

– А я Владимир Шрудель. Можно просто Вова. Слыхал, наверное?

– Вова? – неуверенно переспросил Гриша.

– Нет, имя Вова ты наверняка слыхал. Я про Шруделя.

– А-а... кажется, Георгий Ильич говорил.

– Да? – снова равнодушно спросил мужчина и вдруг резко, почти по-собачьи, почесал небритый подбородок. Флегматичность в нем легко уживалась с нервозностью.

– Да... – неуверенно ответил Гриша. – Сказал, что «мне уже хватает Шруделя... потом... эээ... Вальдемара...».

– Вальдмана, может?

– Да-да, Вальдмана... и этого...

Вспоминая, Гриша защелкал пальцами.

– Гурфинкеля?

– Точно.

– Гм, – задумчиво хмыкнул тот. – В чем-то он прав. Ладно. Что кропаешь, товарищ Гранкин-Гранкер?

– Да вот, – смущенно протянул Гриша свой материал Шруделю.

Тот внимательно прочитал написанное.

– Редкостное по своей убогости говно, – сказал он, возвращая листки.

– Извините, – обиделся Гриша, – но, по-моему, ваши статьи – тоже не Пушкин.

– Читал? – немного удивился собеседник.

– Что-то читал, – сказал Гриша, хотя ничего не читал, но в том, что Шрудель – не Пушкин, он был уверен и безо всякого чтения.

– Да, не Пушкин, – согласился новый знакомый после паузы. – Но это осознанный шаг. В какой-то степени дело всей моей жизни.

– В чем же оно заключается? – хмыкнул Гриша.

– Я сознательно гроблю свой талант и опускаюсь на дно литературного болота.

– А цель?

– Цель – угробить свой талант и опуститься на самое дно литературного болота.

– Логично.

– Пойми, старик, – снисходительно, но все так же грустно продолжил Шрудель, – что в наше время это фактически подвиг. Многие талантливые люди гробили и гробят свой талант неосознанно, всячески сопротивляясь этому процессу и даже отрицая его. А я это делаю осознанно, со знанием дела, потому что, если вовремя не угробить свой талант, он начнет давать ростки и пробиваться сквозь асфальт вот этой макулатуры.

Тут он мотнул головой в сторону газетных небоскребов.

– И что?

– Это будет ущербный уродец. А зачем он нужен? Взять и уничтожить его в зачатке – вот главная задача любого гения. В наше время, конечно. Выдавливает из себя по капле раба может каждый. А ты попробуй по капле выдавливать из себя человека, в смысле, свой талант. Не спиваясь, но и не идя на сделки с совестью. А? То-то. Или ты думаешь, что я в этой газетенке оказался по воле рока? Нет, старик. Я работал в таких изданиях, что тебе до них расти и расти. Но мой талант начал сопротивляться окружавшему его мусору. От меня постоянно требовали компромисса. А это, извините, не по мне. Поэтому я здесь.

– Понятно, – сказал Гриша, хотя логики в пространном монологе было маловато.

– И еще мне фатально не везет на букву «р», – неожиданно добавил Шрудель.

– На что?

– На букву «р».

– В смысле?

– Долгая история, но если коротко...

Тут он отодвинул рукой стопку газет и сел на стол.

– Сделал я как-то материал про визит Леонида Ильича в колхоз один. Описал, так сказать, рабочие будни тружеников села. Ну, и в заголовок вынес фразу нашего генсека из выступления перед колхозниками – «Каждая жатва – ступень к мастерству».

– И что?

– Ничего, – меланхолично пожал плечами Шрудель. – Как назло, генсек наш, будь он неладен, решил отобедать с тружениками села. И фотографию сего пиршества вынесли на первую полосу. А наборщик ошибся. Затесалась у него в заголовок буква «р». А теперь, представь, на фото – Брежнев кушает со знатными трактористами и доярками, а сверху цитата из его выступления: «Каждая жратва – ступень к мастерству». А автор кто? Я. Чудом пронесло.

– Смешно, – усмехнулся Гриша.

Шрудель неожиданно запрокинул голову и прикрыл глаза, словно пытаясь объективно оценить юмор ситуации.

– Пожалуй, – согласился он после короткой паузы, вернув голову в исходное положение. – Но мне, как ты понимаешь, было не до смеха. А эти идиоты из западных голосов сразу решили, что это какой-то политический акт. Хотели даже у меня интервью взять. Еле отбилсь. Ну, потом, конечно, наши привязались. В общем, ушел я из газеты. Вот так.

Тут Шрудель печально пожевал ртом и добавил в приступе откровенности:

– Уволили, в смысле... Теперь здесь обитаю.

– Но если это фатальное невезение плюс увольнение, то где ж тут «сознательное» действие? – удивился Гриша и едко добавил: – Нестыковка.

– Да, нестыковка, – легко согласился Шрудель, – но ведь если, допустим, человек сознательно спивается, то он, конечно, в итоге сопьется, но ведь судьба может его долгое время хорошей водкой обеспечивать, а может и тормозную жидкость с политуры подкинуть. Так что он в секунду копыта отбросит. Получается что? Сознательный риск с примесью судьбы.

Гриша собрался что-то возразить, но в этот момент в дверь осторожно постучали.

– Да-да, – грозно отозвался Шрудель.

В кабинет просунулась голова мужчины в кепке:

– Товарищи, к вам можно?

– А вы, собственно, по какому делу, гражданин?

– Я вообще-то оставлял тут свои... стихи... Копылев моя фамилия.

Мужчина снял кепку и пригладил рукой копну седеющих волос – если бы не седина, ему можно было бы дать лет сорок.

– Я был у товарища Ершова... и он... мне сказал зайти на следующей неделе... но сейчас Ершова нет...

– Ершов умер, – перебил Шрудель. – Я его замещаю. Стихи у вас с собой?

– Как умер?! – побледнел мужчина. – Когда?!

– Полчаса назад. Сгорел на работе. Шутка. Он в отпуске. Отдыхает. Ну что вы так испугались? Право на отдых у нас закреплено конституцией. Ну, так есть у вас с собой экземпляр?

– Да, да, конечно, – засуетился мужчина, слегка ошалев от потока разнообразной информации.

Он вытянул из потертого кожаного портфеля мятые листки и протянул один Шруделю.

– Смотри и учись, – шепнул тот Грише на ухо, – даю мастер-класс, как разбираться с доморощенными поэтами. Первый урок бесплатно.

Только сейчас Гриша почувствовал, что новый приятель слегка подшофе.

Шрудель взял протянутый лист и сразу нахмурился. Потом показал Грише.

– Ты можешь это разобрать?

Текст был исключительной бледности.

– С трудом, – неуверенно ответил Гриша.

Шрудель повернулся к поэту.

– Товарищ... эээ...

– Копылев.

– Товарищ Копылев, мы, конечно, знаем, что Владимир Ильич Ленин в целях конспирации писал свои труды молоком, но вы-то, я надеюсь, ни от кого не скрываетесь. Или я зря надеюсь?

Вопрос был поставлен в такой иезуитской форме, что бедняга испуганно замахал руками, как будто отбивался от злых духов.

– Да нет, что вы... Просто это шестая копия... первые пять уже раздал разным товарищам... сами понимаете... копия плохая... бледновато, конечно...

– Бледновато?! Да здесь глаза сломать можно! Ладно... Что тут у нас?

– Эпиграммы, – робко пояснил Копылев и добавил: – Политические. На злобу дня.

– Ну на злобу так на злобу, – кивнул Шрудель и прочитал вслух первое четверостишие:

Товарищ Солженицын, карта бита!
Но ты не плачь, что твой напрасен труд,
Твои заокеанские наймиты
Тебе помогут и деньжат пришлют.

– Все? – поднял он глаза на Копылева.

– Все, – кивнул тот.

– Ну, во-первых, где ж тут злоба дня? Солженицын – это уже не актуально. Во-вторых, «наймиты» – это кого нанимают, а не кто нанимает. В-третьих, что это за фамильярное «не плачь»? Я, честно говоря, впервые слышу, чтобы Солженицын плакал по причине финансовых затруднений.

Он повернулся к Грише:

– Ты слышал?

Гриша помотал головой.

– Вот и товарищ не слышал. Откуда у вас такие сведения, товарищ Копылев, а?

Копылев смутился и как-то двусмысленно потупил глаза, как будто сведения-то были достоверные, но он не имел права раскрывать их источник.

– Но это не главное, – продолжал Шрудель. – Главное – то, что наша газета – рупор рабочего класса. А вы нам антисоветчину предлагаете напечатать.

– Антисоветчину?! – Копылев отпрянул так, что едва не задел локтем один из бумажных небоскребов.

– Ну да, – равнодушно подтвердил Шрудель, – Вот тут написано: «товарищ Солженицын». А товарищ – это что? Это друг. Или вы, может быть, дружите с Солженицыным, а?

Поняв, что дал маху, незадачливый поэт решил вступить в спор, но Шрудель пресек эту попытку, сменив грозную интонацию на доверительную:

– Допустим, я вам верю. Верю. Но ведь читатель может засомневаться. Так что извините. Тут надо еще поработать.

– А следующая? – спросил Копылев, глазами указывая на листок.

Шрудель поморщился, но продолжил:

Ицхак Рабин опять, увы, встревожен,
Но пусть не плачет и расскажет всем,
Его любимый дядя – дядя Сэм,

И долларом, и бомбами поможет.

– М-да... «но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем». Слушайте, Копылев, а почему у вас все все время плачут? Прямо какой-то плач Ярославны. И почему Рабин «опять» встревожен? А до этого чем он был встревожен? И откуда такая уверенность, что кто-то обязательно пришлет деньги? Это уже вторая эпиграмма, в которой кто-то кому-то шлет деньги. Чует мое сердце, что, если бы дядя Сэм и вам подкинул немного денюжат, вы бы упираться не стали.

Копылев отчаянно замотал головой, как бы всячески отрицая такую беспринципность.

– Но главное, – цокнул языком Шрудель, – это снова ваша политическая близорукость.

– А здесь-то где? – удивился Копылев.

– Вот чудак-человек, – пожал плечами Шрудель, глянув на Гришу. – Ну, как же? Вот вы пишете «Ицхак Рабин опять, увы, встревожен». «Увы!» Вам что, жаль премьер-министра Израиля? Или, может, вы поддерживаете агрессивную политику Израиля на Ближнем Востоке?

– Нет, но...

– Ладно, – сказал Шрудель миролюбиво. – Это уже не мое дело, потому что вам все равно надо в «Крокодил». Мы в основном лирику печатаем. Жаль, что Ершов вас не предупредил.

Одной рукой он попытался вернуть листок автору, а другой дружески приобнять того за плечи, дабы направить к двери.

– А там есть и лирика, – сказал Копылев и вывернулся из объятия Шруделя каким-то змеевидным телодвижением. – Как раз следующее стихотворение. Ниже.

Шрудель хмыкнул и, почесав небритый подбородок, вздохнул.

– Ну, давайте, почитаем вашу лирику.

В прожорливое брюхо таксофона
Рукой дрожащей двушку опускаю,
И голос твой, такой родной, знакомый,
Мне сердце очень сильно обжигает.

«Очень сильно» – это очень сильно, – повторил Шрудель задумчиво, причмокивая, словно пробовал слова на вкус. – Но мне даже нравится, а, Григорий? Что-то в этом есть от обэриутов. Ладно, поехали дальше.

И будет встреча, ключик под циновкой,
Взаимоотношений наших ребус,
Я провожу тебя до остановки,
А ты попросишь денег на троллейбус,
Я протяну тебе пятак потертый,
Все то, что после дня с тобой осталось,
Мне до зарплаты жить – но я упертый,
Последний рубль готов делить с тобою.

– Ничего не понял – искренне удивился Шрудель. – Это что, финал?

– Да, – смутился Копылев, – наверное, я что-то пропустил... или перепутал... Простите...

– Гм, – хмыкнул Шрудель, – нет, ну начали-то вы за здоровье, можно сказать, я даже удивлен, но дальше как будто игла по пластинке поехала... И потом, ну, что опять за

мещанская меркантильность? Тем более в лирическом стихотворении. «Двушка», «пятаяк», «рубль». Ощущение, что вы убытки от встреч с любимой подсчитываете. Снова налицо какая-то болезненная тяга к материальным ценностям бытия. Желание, которое вы отчаянно сублимируете в своих произведениях. Конечно, советская наука решительно отвергает лживое учение Фрейда, но в вашем случае я бы сделал исключение. Скажите честно, вы бедствуете?

– Нет, – испуганно ответил Копылев, но тут же поспешно добавил: – Хотя, конечно, определенная нехватка ощущается.

– Понятно. К сожалению, нехватка ощущается и в ваших стихах. И это – нехватка поэзии. Что иногда даже печальнее нехватки денег. Хотя это спорный вопрос. Но вы не расстраивайтесь. Я читал и похуже. Причем это были сплошь члены Союза писателей. А у вас тут даже есть удачные строчки. Вы вообще кем работаете?

– Кварцедувом.

– Ну, вот видите! – радостно воскликнул Шрудель. – Значит, мы друг друга понимаем!

Что означало это восклицание, было непонятно, а посему и спорить с ним было бессмысленно.

– А писать не бросайте, – сказал Шрудель, провожая растерянного автора до двери. – Это вам мой совет.

После чего он выставил Копылева в коридор и вернулся к Грише:

– Видал, что поэзия с простым человеком творит? Но, я считаю, творчество надо поощрять. Даже такое. Тем более что теперь Ершов мне должен.

– За что?

– Как за что? Я принял человечка, выслушал стихи, пока Ершов на втором этаже в шахматы режется.

– Так он здесь?

– Ершов?! Конечно. Торчит в кабинете у Сухарева – у них сегодня финальная партия. Если человек занят, зачем его зря тревожить? А я люблю помогать. Люди должны друг другу помогать. И иногда чужую работу делать. Сам посуди, какой начнется хаос, если каждый будет заниматься только своим делом. Ужас. Слушай, а чем конкретно занимается кварцедув?

Гриша пожал плечами.

– Кварц, наверное, выдувает.

– Спасибо за морфологический разбор слова, – хмыкнул Шрудель. – До этого-то я и сам как-то допер. Короче, относи-ка ты свой шедевр Ильичу, и айда дернем по пивку, а? Как ты смотришь на такое развитие событий в мире?

– Можно и по пивку, – согласился Гриша, с ужасом вспомнив, что главред давным-давно ждет материал.

Георгий Ильич прочел Гришины листки, периодически одобрительно цокая языком и приговаривая «Так держать!», «Верной дорогой идешь!», а в конце вынес короткое устное резюме: «Чудовищно. То есть то, что надо».

При этом быстро просек Гришины претензии на оригинальность и безжалостно их вычеркнул.

– Поздравляю, – пожал он смущенному Грише руку. – Пойди в отдел кадров, пусть тебя оформят как стажера. Поставим тебя на довольствие.

– Спасибо, – сказал Гриша и замялся, топчась на месте.

– Ну что еще?

– Понимаете, я паспорт свой потерял. Он у меня сейчас восстанавливается.

– Да? – насторожился главред, но потом махнул рукой. – Ладно, скажи им, чтоб тебя пока так оформили. Потом разберемся. Ну, вот... Начнешь у нас работать, познакомишься с коллективом. Он у нас дружный. Очень, – почему-то после паузы добавил он в конце.

– Да я уже, можно сказать, начал.

– Вот как? – насторожился редактор. – С кем это?

– Со Шруделем.

– Так и знал, – поморщился главред. – Не с того конца знакомство с коллективом начинаешь.

– Да? – испугался Гриша. – А я слышал... он талантливо пишет.

– Кто?! Шрудель?! Интересно, от кого ты это слышал. От него самого, что ли?

– Ну, да.

– Ясно. И он тебе, конечно, рассказал, что в нашей газетенке сознательно гробит свой талант, что работал в самых известных газетах.

– Да, – смутился от такой пронизательности Гриша.

– Ну, еще бы. Пил бы меньше да языком трепал. А насчет таланта... Ты ж сейчас пойдешь с ним пиво пить?

– Да, – почти онемел от провидческого дара главреда Гриша.

– Ну, вот пусть он тебе что-нибудь и прочитает из своего раннего. Про Ленина. Сам поймешь. Ну что замер? Иди.

Гриша для вежливости кашлянул и, развернувшись, вышел из кабинета.

На улице его ждал Шрудель.

– Ну что? – меланхолично спросил он. – Встреча прошла в теплой и дружеской атмосфере?

– Пожалуй, – бодро ответил Гриша и поправил на плече сумку.

– И он, конечно, посоветовал тебе почитать мои ранние стихи про Ленина? – равнодушно поинтересовался Шрудель.

Гриша почувствовал, что попал в какой-то заколдованный круг, в котором все идет по хорошо накатанной колее.

– Да ладно-ладно, не бойсь, – успокоил его Шрудель, – он меня просто плохо переваривает. Всем про моего Ленина говорит.

– А что, хорошие стихи?

– Почему хорошие? Говно, – Шрудель как будто даже обиделся на подозрение в талантливости. – Просто я ж не только про Ленина писал.

– Да?

– Конечно. Я и про Сталина писал.

– А про Сталина лучше?

– Почему? – снова удивился Шрудель. – Тоже говно. Да бог с ними, со стихами. Куда идем?

Гриша, все еще пытавшийся переварить логику собеседника, замялся.

– Я не знаю даже... – сказал он и осекся, поймав на себе недоуменный взгляд.

– Ты что, не москвич?

– Да... то есть не совсем... А куда предлагаешь?

– Махнем для начала в «Ивушку». Или лучше в «Лиру», а? Вдарим по шампанскому. Все-таки пиво – это несолидно для такого события в твоей жизни. Первый материал, так сказать. Ну, как?

– А это где?

Лицо Шруделя, и без того длинноносое и продолговатое, вытянулось в какой-то совершенно немыслимый эллипс.

– Что? «Ли́ра»? На улице Горького.

– Ах, да, – Гриша театрально потер лоб, как будто у него на пару секунд просто отшибло память.

– Старик, ты что, первый день в Москве, что ли? Может, ты еще не знаешь, где улица Горького, а? А я расскажу. От Кремля которая. Главная улица страны. Если улицы страны, – запел он неожиданным козлиным фальцетом, – все собрать в одну...

– Да-да, – смущенно забормотал Гриша, – Я уж понял. Как бы... бывшая Тверская.

Шрудель остановился и пристально посмотрел на Гришу.

– Ишь ты! Тверская. Да ты, я смотрю, орешек непростой. Ну, ничего! Нам расколоть тебя поможет киножурнал «Хочу все знать».

– Кто? – спросил Гриша, но испуганно осекся.

– Слушай, Гранкер, – прищурился Шрудель, – а ты не шпион?

– Какой?

– Японский. С такой-то фамилией! Ну чего смотришь? Израильский, конечно.

– Нет.

– Жаль, – вздохнул Шрудель. – Считаю, что ты меня разочаровал.

– А зачем тебе израильский шпион?

– Хочу продать малую родину и махнуть на историческую. Ну, нет так нет. Пошли в «Лиру». А потом в ресторан Дома кино заскочим. Познакомлю тебя с гениальными людьми. «Ли́ра» – местечко, конечно, так се... на тройку с минусом... для пижонов, но в Доме кино сейчас просто никого из гениев нет. Они к десяти туда подгребают.

«Ли́ра», популярное молодежное кафе, была забита до отказа. Играла музыка, кто-то танцевал. Публика была разношерстной, шумной и молодой. Внутри играла музыка и плясали посетители. Гришиного спутника, судя по всему, здесь знали. По крайней мере, им быстро нашли свободный столик, что было само по себе чудом. Кроме того, официант мгновенно принес меню и вообще был относительно любезен, хотя по отношению к сидящим за соседним столиком он вел себя, мягко говоря, хамовато. Например, на просьбу принести 300 граммов вина он заявил, что у него ноги не казенные – туда-сюда бегать. «Либо берите бутылку, либо идите в ресторан». Тем пришлось брать бутылку. Со Шруделем же он держался подчеркнуто вежливо.

– Выбрали? – спросил он, вернувшись к их столику через пару минут, и достал блокнот.

– Дай-ка нам, Коля, – фамильярно начал Шрудель, – мороженого и бутылочку сухого. Ты пьешь, я надеюсь? – он повернулся к Грише.

– Да-да, – излишне суетливо подтвердил Гриша.

– Слава богу, – успокоился Шрудель и снова глянул на Колю. – И еще коктейльчика какого-нибудь...

– Рекомендую «Коньячный». Или «Привет», – мрачно произнес официант.

– В твоих устах, Коля, даже «привет» звучит как угроза. Ты б хоть улыбнулся, что ли.

Вместо улыбки официант лениво зевнул – видимо, был сыт по горло подобными советами.

– Ну, хорошо, – отстал от него Шрудель, – давай-ка вот этого «Коньячного» по рупь девяносто девять парочку. Гулять так гулять, правильно?

Официант пожал плечами – мол, не моего ума дело.

– А это наш Григорий, – представил Шрудель спутника. – Запомни, Коля, это лицо. В его лице ты видишь лицо будущего всей советской журналистики.

Официант бросил равнодушный взгляд на Гришу.

– Может, тогда шампанского?

– Это всегда успеется, – загадочно ответил Шрудель, как бы допуская такую возможность, но лишь гипотетически.

– Понимаю, – кивнул официант и, закрыв блокнот, скрылся.

– Ни хрена ты не понимаешь, – с досадой произнес Шрудель ему вслед. – А ты не тушуйся, Григорий. Надувай щеки, когда тебя сам Шрудель представляет. Видел, какой он со мной вежливый?

Особой вежливости со стороны официанта Гриша не заметил, но на всякий случай кивнул.

– А-аа, – улыбнулся Шрудель, – страна знает своих героев. А знаешь почему? Я месяц назад про них такую статейку забористую тиснул – век меня помнить будут. Называлась «И плохо, и начетисто». Не читал? Впрочем, ты не много потерял. Редкостная серятина.

В нем поразительным образом сочетались самокритика и уверенность в собственной гениальности.

– А «начетисто» – это как? – поинтересовался Гриша.

– Нет, ты все-таки какой-то не советский, – подозрительно глянул на него Шрудель. – Дорого, значит. Запомни это слово. Главное слово в критике сферы услуг. Впрочем, ты ведь теперь по международнойке. Так что... забудь это слово.

Начавший привыкать к зигзагообразности мышления нового знакомого, Гриша покорно кивнул, хотя эта покорность его уже злила. Тем более что Шрудель принялся рассказывать какие-то истории, и Грише ничего другого не оставалось, как снова послушно кивать головой.

«Черт! – одернул он себя с раздражением. – Почему я чувствую себя немым дебилом? Молчу как пень, сижу, киваю».

Вообще-то он и сам был словоохотлив, но напор собеседника зашкаливал – перещеголять Шруделя в говорливости было почти невозможно. К тому же Гриша не знал, что говорить. Что не расскажи, все будет о его времени. Может, про Галку?

– А моя девушка сейчас в Сочи, – перебил он на полуслове Шруделя.

– Вот те раз! – искренне расстроился тот, мгновенно забыв, что две секунды назад что-то увлеченно рассказывал. – А ты что же?

– А у нее своя компания... наверное... изменяет мне там...

Гриша почувствовал, что произнес это как-то задумчиво-мечтательно, хотя хотел вложить в эту сентенцию всю боль и тоску несчастного влюбленного.

– Плюнь, старик, – отмахнулся Шрудель. – Это же бабы. А вообще давай махнем к ней в Сочи, а? Нагрянем, так сказать?

– Не надо, – испуганно вздрогнул Гриша, вспомнив, в каком времени он находится – Галка-то еще даже и не родилась.

– Как знаешь... А я своей бывшей однажды такой сюрприз устроил. Прилетел к ней на море.

– И что?

– Ничего. Лежит на пляже одна, книжку читает. Скучно даже как-то... И рассказать друзьям нечего.

Видно было, что Шрудель искренне расстроен отсутствием измены со стороны жены.

«Вот уж кто одна на пляже не лежит и книжки не читает, так это Галка, – подумал с горечью Гриша. – Потому что и одна никогда не бывает, и читать не любит».

Тут пришел официант с заказом, и разговор как-то сам собой свернулся.

Пока Шрудель меланхолично поглощал мороженое с коктейлем «Коньячный», запиная все это гастрономическое безобразие сухим красным, Гриша принялся рассматривать публику. Он действительно чувствовал себя то ли шпионом за линией фронта, то ли одиноким посетителем уникального музея. Он жадно ловил словечки и выражения, долетавшие с

соседних столиков, с нескрываемым любопытством всматривался в окружающих его людей, впитывая атмосферу московского вечера образца 1975 года. К Шруделю то и дело подходил какой-то молодой человек, который просил сигаретку, говорил «покорнейше благодарю», быстро спорил с Шруделем по поводу деградации западного искусства, а затем исчезал. Каждые пятнадцать минут он приходил за новой сигаретой, и комбинация повторялась.

– Кто это? – спросил Гриша.

– А-а... пижон один. Спекулянт местного разлива. Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст. Родимое пятно проклятого прошлого. Утюгом раньше перед «Националем» работал.

– Кем? – удивился Гриша, по привычке представив себе этого парня в костюме «утюга», раздающим какие-нибудь рекламные брошюры магазина бытовой техники.

– Ну, утюгом. Перед гостиницей «Националь». Что, не слышал про утюгов, что ли? А еще журналист. Ну, фарцовщик, который перед гостиницей клиентов с фирмой ловит.

Бывший «утюг», заметив, что в его сторону смотрят, подмигнул Шруделю. Тот кисло улыбнулся в ответ.

Через час, когда мороженое было давно съедено, а вино с коктейлями выпито, Шрудель посмотрел на часы и произнес: «Кажется, пора и честь знать».

Подошедший официант молча положил на стол счет.

Шрудель хорошо отрепетированным жестом похлопал себя по карманам пиджака и брюк.

– Старик, – обратился он к Грише, – не хотел тебя огорчать раньше времени, но я на мели. Ты не?..

Тут он размашисто обвел рукой следы пиршества на столе и фразу не закончил.

Гриша подумал, что предпочел бы быть раньше времени огорченным, нежели обрадованным вот так. Только сейчас он понял, что денег-то у него совсем нет. Ни российских, ни тем более советских. Разве что Галкин доллар.

– Вов, понимаешь... я сам на мели.

Официант выслушал этот короткий диалог, не дрогнув ни единым мускулом на лице – видимо, чего-то подобного и ждал. Для него любой посетитель был либо потенциальным бузотером, либо неплатежеспособным клиентом. Либо неплатежеспособным бузотером, что случалось еще чаще.

Шрудель возвел глаза к небу, а затем перевел их на официанта и застыл, словно неожиданно наткнулся на Колино лицо.

– Коля, – трагически обвел он руками столик, – в нашей среде наблюдается растущая озабоченность в связи с нехваткой материальных средств, понимаешь? – неестественно артикулируя, как всякий выпивший, произнес он.

– И? – спросил Коля.

– А до этого говорил «понимаю», – разочарованно цокнул языком Шрудель. – Представители творческой интеллигенции, Коля, находятся в стеснительном материальном положении. Это ты можешь понять?

– Это могу, – произнес Коля, вкладывая какой-то угрожающий смысл в эти слова.

– Разрядка напряженности нужна всем, – продолжил Шрудель, сделав акцент на слове «всем».

– Пожалуй, – мрачно согласился официант.

– Реакционным силам Запада противостоит сплоченность советских граждан, – все так же многозначительно произнес Шрудель.

– Возможно, – уклончиво ответил Коля.

– И советская молодежь решительно отвергает мнимые ценности мирового империализма.

Грише показалось, что между официантом и его новым другом происходит какой-то зашифрованный разговор, истинный смысл которого ему недоступен. Впрочем, его больше волновал исход этого странного диалога. И он не заставил себя долго ждать.

– Платить, значит, не будем? – подытожил Коля.

Шрудель поморщился.

– Ну зачем так вульгарно? И потом, ты что, меня первый раз видишь?

Коля промолчал, но молчание было красноречивым: видимо, не в первый. Шрудель повернул голову к Грише:

– Гриша, мы как творческая элита страны развитого социализма должны проявить добрую волю и выплатить этому питекантропу денежный эквивалент съеденного и выпитого. Иначе (тут он брезгливо поморщился) будет унижительное объяснение с представителями власти, а это не входит в программу праздничного вечера.

В Гришины планы милиция тем более не входила, но он беспомощно развел руками. Затем неожиданно вспомнил.

– Есть доллар, – чуть тише сказал он. – Железный.

– Тссс, – зашипел Шрудель, но официант, слава богу, Гришу не услышал. – Доллар? Американский? Хочешь загромоздить за незаконные валютные операции? А вы, товарищ Гранкер, далеко пойдете.

– В смысле?

– В смысле, до самой Колымы.

– Ну, так как? – нетерпеливо встрял Коля – его звали к соседнему столику.

– Учитывая всю тяжесть сложившейся обстановки, собрание происходит бурно, но плодотворно. Один момент.

Шрудель снова повернулся к Грише.

– Оставь доллар до лучших времен, точнее, до худших, – понизив голос, сказал он. – А лучше выкини от греха подальше. Может, есть что продать?

– Да нет же! – расстроено воскликнул Гриша, но для виду открыл сумку и начал рыться в ней.

Как назло, в ней не было ничего, что с его точки зрения могло бы иметь ценность, – тетрадки, ручки, бейсболка.

– Стоп! – воскликнул вдруг Шрудель, заметив бейсбольную кепку. – Ну-ка! А говоришь нет!

Он схватил бейсболку с надписью «NY».

– Что это?

– Кепка.

– Малярная, что ли?

– Сам ты малярная, – рассмеялся Гриша. – Это бейсболка. Для игры в бейсбол, в смысле.

– Что за «НУ»? – спросил Шрудель, повертев кепкой.

– Сам ты «НУ». Это Эн Уай. Нью-Йорк, в смысле.

– Спик инглиш? Подозрительный ты все-таки тип, Гриша. И как меня только угрозило с тобой связаться? А это что?

– Сигареты, – удивился Гриша, доставая красно-белую пачку.

– Мальборо?

Шрудель заглянул в пачку.

– Ого, почти полная. Ты ж вроде не куришь?

– Да это не мои.

– Спокойно, ты пока что не на допросе в КГБ. Сразу в отказ – я не я, корова не моя.

– Да нет! Правда, не мои, однокурсник оставил в курилке, а я в сумку положил, чтоб потом отдать.

– Отдать? Ничего не надо никому потом отдавать. Только мне и сейчас.

Шрудель схватил сигареты и бейсболку и поднялся. Официант Коля тут же сделал упреждающий маневр.

– Да погоди ты! – сказал ему Шрудель миролюбиво. – Никуда я не денусь – сейчас вернусь.

Он подошел к столику, где сидел бывший «утюг», и показал сигареты и бейсболку. Тот оглянулся по сторонам, затем решительно взял сигареты. Бейсболку он просто покрутил в руках. Шрудель ему что-то сказал, но парень замотал головой. Шрудель пожал плечами и попытался взять товар обратно, но парень ловко отвел руку с бейсболкой в сторону и сказал что-то. Шрудель повернулся к Грише и развел руками, мол, что делать, грабят средь бела дня. И махнул рукой парню – давай, разорай.

Через минуту он уже был у столика.

– Коммунисты своих не бросают! – выкрикнул он и, отсчитав деньги, сунул их Коле в руку. – Принимай штурвал, молодежь!

После этого жестом позвал за собой Гришу, и они вышли на улицу.

– И много у тебя еще такого товара? – спросил Шрудель. – Это не я. Это приспешники капитализма интересуются.

– Какого? Сигарет больше нет. А бейсболка одна и была.

– Бейсболка, бейсболка. Надо запомнить. Жаль. Ну, на, держи, я чужого не беру, – и он всучил Грише мятую десятку.

Гриша с удивлением взял в руки красноватую купюру и с интересом стал рассматривать абрис Ленина.

– Нет, Гриш, все-таки ты – диверсант. Я нутром чую.

Гриша испуганно убрал десятку в карман. Шрудель вздохнул и закурил.

– И когда ж ты меня уже вербовать начнешь, а? Мне деньги позарез нужны.

– Да какой я диверсант? Я тебе потом объясню. Ты сейчас не поймешь.

– Ну да, ну да. Запутался, сбился с пути, связался с дурной компанией, попал под гнет творное влияние гнилого Запада. Ладно. Ты только, когда меня вербовать начнешь, предупреди. А то я спяну могу отказаться. Ну, что? Сколько там натикало?

– У меня нет часов, – сказал Гриша, понимая, что стремительно усугубляет свое и без того маловнятное положение.

– Ни денег, ни часов. Ты, Григорий, либо шпион, умело маскирующийся под антисоциальный элемент, либо одно из двух.

– Мне ночевать негде, – вдруг тихо и как-то жалобно произнес Гриша.

– Напекаешь на то, что все-таки второе? – с ленинским прищуром спросил Шрудель.

– Напекаю на то, что мне негде ночевать.

– Намек понял. Ладно, бросишь кости у меня.

– Какие кости? – удивился Гриша, подумав, что со Шруделем придется еще и в кости играть.

– О, господи! Ну, переночуешь у меня! Ты что, с Луны, что ли, упал?

– Извини, – испуганно забормотал Гриша. – Это я торможу просто.

– Тормозишь? – недоуменно посмотрел на него Шрудель. – Как это?

– Неважно, – поспешно сказал Гриша, понимая, что отныне придется «фильтровать базар».

– Неважно так неважно... Короче, сегодня у меня, а завтра найдем тебе крышу. Как же тебе все-таки со мной повезло, старик! Я прям тебе завидую. Мне б найти такого друга.

Потом он вскинул левую руку и глянул на часы.

– Ого! Пора идти знакомить тебя с гениями. Только ты народ долларами не пугай. Дай-ка, кстати, глянуть на него.

Гриша достал железный доллар и дал Шруделю.

– Тяжелый, зараза, – сказал тот, возвращая его Грише. – Года на три общего режима потянет.

Всю дорогу к Дому кино Гриша размышлял о создавшейся ситуации, мучительно преодолевая алкогольную расхлябанность мозга. Если удача повернется к нему лицом и он все-таки сумеет вернуться в 2008-й (как это удача будет делать, он, правда, не знал, но на то она и удача), то, как будущий журналист, он смог бы, находясь в 1975-м, собрать кучу интереснейшего материала. Нет, про само время все уже написано-переписано. Но ведь у него есть уникальная возможность задать интереснейшие вопросы известнейшим людям. Например, про их отношение к тому, что происходит, точнее, будет происходить в будущем. «Интервью из прошлого», – мелькнуло в голове готовое название книги. Еще живы не только Высоцкий или Бродский, но и корифеи искусства, заставшие царское время. Это был бы уникальнейший материал. Да он бы просто стал журналистом века! А ведь еще можно сделать фотографии или даже видеозаписи. К тому же есть политические деятели будущего. Но творческая элита – это все-таки интереснее. Просто Клондайк. Главная сложность была в том, как на них выйти, но теперь, ведомый Шруделем, он подумал, что смог бы войти в этот круг и потихоньку завоевать доверие. Именно у Дома кино Гриша с радостью обнаружил, что Шрудель – это то, что ему надо. Его знала каждая собака, причем в прямом смысле тоже, ибо даже пес, дежуривший у дверей, увидев их, завилял хвостом и подбежал, требуя внимания. Трудно было не признать очевидное – Шрудель обладал уникальной способностью внушать людям доверие и уважение, не имея на то никаких оснований. Уже несколько раз за этот вечер Гриша слышал возмущенное «Что значит «кто»? Я – Шрудель!», и, что удивительно, это каждый раз срабатывало. Возможно, смущало столь наглое и громкое произнесение нерусской фамилии. А, возможно, Шрудель просто интуитивно знал, какого именно обращения с трепетом ждет каждый отдельный человек. Казалось, у него в руках был какой-то незримый карт-бланш, которым он то скромно помахивал, то нагло размахивал, а то и бил по морде наиболее недоверчивых. Не имея никакого отношения к киношному цеху, Шрудель тем не менее был сразу пущен внутрь. Причем если его пропустили сразу и даже с каким-то пиететом, то Грише дали от ворот поворот. Шруделю пришлось объяснить, что «надежда советской журналистики» – это с ним.

В ресторане было шумно и накурено. Звенели бокалы и слышались тосты. Шруделя здесь знали и официанты, которым он небрежно кивал головой, и завсегдатаи, которые приветственно махали ему и приглашали в свою компанию.

– Сейчас я тебя с такими людьми познакомлю, век помнить будешь, – подмигнул он Грише, усаживаясь за отдельный столик.

– Во-во, – оживился Гриша. – Хочется, знаешь ли, познакомиться со стоящими людьми.

– Все будет в ажуре, старик.

Внезапно материализовавшийся официант кивнул Шруделю и поставил на стол графин водки и две рюмки. Видимо, это был базовый набор. Они заказали закуску и отпустили официанта.

– Сейчас будут тебе такие стоящие люди, что благодарить устанешь. – Шрудель быстро разлил водку, словно она и была тем самым магнитом, что притянет стоящих людей.

И действительно – долго ждать не пришлось.

– Привет, Вова, – раздался за Гришиной спиной чей-то печальный взглас.

Это был мужчина в протертом пиджаке. От него разило большим количеством выпитого спиртного. В руках была пустая рюмка.

- Виталик! – подскочил Шрудель и обнял подошедшего так, что едва не опрокинул его.
- Здрасьте, – сказал, слегка приподнявшись, Гриша.
- Вот, Виталик, – Шрудель мотнул головой в сторону Гриши. – Знакомься. Наша смена.
- Гриша, – снова привстал Гриша.
- Виталий, – представился подошедший с такой невыразимой тоской, как будто одно произнесение собственного имени было для него страшной мукой.
- А это, Гришаня, Виталий Баум, без пяти минут классик.
- Да ладно, – махнул рукой Баум, но опровергать лестный эпитет не стал.
- Ну, что, Виталик, давай-ка мы выпьем. – Шрудель ловко плеснул водки в рюмку «недоклассика». – Над чем трудишься? Работаешь?
- Да так, кропаю помаленьку.
- Роман?
- И роман, и сценарий по роману, и пьесу по сценарию, и радиопьесу по пьесе, – нудно перечислил Виталик пункты ведущейся работы.
- Бьешь противника по всем фронтам?
- Ну, да. Авось что-нибудь да проскочит.
- Тема? – сурово спросил Шрудель, ставя графин на место.
- Человек, – развел руками Баум, как бы извиняясь за «мелкотемье».
- Но не просто человек, – подсказал Шрудель, интонационно вытягивая из собеседника продолжение.
- А человек в конфликте со средой, – пробубнил Баум, словно отвечал у доски.
- А также четвергом и пятницей, – сострил Шрудель и заразительно засмеялся, хлопнув Виталика по плечу.
- Виталик кисло улыбнулся. Все трое чокнулись и выпили.
- Эх, Гриня, – повернулся, все еще морщась от водки, Шрудель, – Виталик – это мастер прозы. Последний из могикан. Таких сейчас уж нет.
- Гриша посмотрел на Баума, которому было на вид лет тридцать пять, и подумал, что на «последнего из могикан» тот не очень смахивает. Шрудель, хоть и был подшофе, сомнение в Гришином взгляде мгновенно уловил.
- Думаешь, преувеличиваю? Не-е-ет, – он энергично замотал указательным пальцем перед собственным носом, как будто отмахивался от какого-то невидимого насекомого. – Это сейчас он без пяти минут классик. А когда-то... когда-то мы вместе с Виталиком в «Советской Твери» начинали. Знал бы ты, сколько шуму наделала его повесть.
- «Последняя шпала», – скромно уточнил Баум.
- Да! «Последняя шпала». Соображаешь, Григорий, куда загнул стервец?
- Однако по Гришину лицу было видно, что он не соображает, «куда загнул стервец».
- Последняя шпала, – с нажимом на слове «последняя» повторил Шрудель. – Понимаешь, что это значит?
- Шпалы кончились? – неуверенно спросил Гриша, смутно ощущая идиотизм своего вопроса. Он давно понял, что попал в мир, где простая арифметика не работает, шпалы – не шпалы, рельсы – не рельсы, а поэт больше, чем поэт. Или меньше, чем поэт. В общем, не поэт.
- Тьфу ты! – укоризненно сплюнул Шрудель. – Последняя значит что? Правильно. Конец пути. Конец шестидесятых. Финал. Закончилась железная дорога, по которой, как нам казалось, мы едем в новый мир. Теперь будем брести по бурелому и неизвестно еще, куда выйдем.
- Ну, вообще-то там речь шла о бригаде железнодорожного депо, – попытался сбить метафорический пафос Виталик, но Шрудель поморщился.

– Брось, старик. Тут же не дети сидят. Я ведь помню повесть. Бригада берет на себя обязательства закончить новый участок дороги досрочно. Правильно?

– Ну, да, – вяло согласился Виталик.

– Но шпалы вовремя не подвозят, и значит, все летит к черту. И тогда местные жители, воодушевленные строительством, решают разобрать свои дома на шпалы, лишь бы бригада смогла выполнить план. Вникаешь, Гриша? Они своими руками разбирают свои собственные дома на бревна, сами остаются без крова, но бригада план выполняет.

– А почему нельзя было срубить деревья какие-нибудь? – удивился Гриша.

– Ха! – воскликнул Шрудель и глянул на Баума. Тот снисходительно усмехнулся и, откинув взмахом головы прядь волос с лица, элегантно опрокинул в рот очередную порцию водки, не дожидаясь компании. – Святая простота. Ты хоть понимаешь, что такое художественная метафора?

– Нууу...

– Баранки гну! Но это еще не все! Последний участок дороги упирается в гору – ошибка инженеров. Как тебе такая финальная загогулина? Это же наша страна! Народ жертвует всем ради дороги, которая никуда не приводит, потому что инженеры ошиблись. Ты хоть понимаешь, кто такие эти ИНЖЕНЕРЫ и о КАКОЙ ДОРОГЕ идет речь?

Гриша растерянно посмотрел на Баума. Но тот печально жевал пучок петрушки из принесенного официантом салата. Ему явно льстил имидж непонятого и неоцененного гения.

– Тупик! – закричал Шрудель так громко, что молодая компания за соседним столом вздрогнула и обернулась.

– Ну, вообще-то в послесловии говорится, что гора была взорвана, а строительство продолжено, – скромно добавил Баум, дожевывая петрушку и принявшись за кусок черного хлеба с щербатого блюдца, принесенного к салату.

– Ай, – махнул рукой Шрудель, опрокинул в рот рюмку водки и, щелкая пальцами как бы в поисках закуски, захрипел сдавленным голосом:

– Вынужденное добавление. Искажение художественной правды в угоду политической конъюнктуре.

– У меня тут случайно книга с собой, – неожиданно сказал, слегка заикаясь, Виталик и повернулся к Грише: – Вам подписать?

Гриша глянул на Шруделя. Тот одобрительно кивнул головой: мол, бери – не прогадаешь.

– Если вам не жалко, – сказал Гриша и растянул губы в дружелюбной улыбке. Вышло несколько искусственно.

Виталик достал из кармана небольшую книжицу и положил на стол.

– Вот.

И тут же заерзал, глядя куда-то в сторону.

– Ой, братцы. Вы извините, я отойду на минутку. Мне надо с Сапенковым поздороваться. Позже подойду.

– Давай, давай. Сапенков – это сила, – понимающе закивал Шрудель.

Гриша хотел было окликнуть Виталика – а как же с «подписать»? Но Шрудель успокоил:

– Не ссы. Он уже все подписал.

– Как это? – удивился Гриша, решив, что здорово набрался, раз пропустил этот исторический момент. Он раскрыл книгу – на первой странице было размашисто выведено: «Спасибо. Без Вас эта книга бы не состоялась. Виталий».

Гриша недоуменно перевел взгляд на Шруделя.

– Да не волнуйся, – успокоил тот, – он всем одно и то же пишет. Точнее, дома подписывает, а потом раздает – так, чтоб не искать ручку и время не тратить. В связи с этим была

даже забавная история. Он подарил один экземпляр Войникову, а Войников был как раз тем, кто гнобил эту книгу до последнего момента. И представь, он получает такую дарственную надпись «Без Вас эта книга бы не состоялась». Ха-ха. Войников пообещал, что после такой издевки костыми ляжет, но следующую книгу Виталика прикроет. Вот так.

Гриша почувствовал, что перестает понимать дикую логику времени, и решил, что самое время выпить. Он опрокинул свою рюмку водки. Виталик на него не произвел почему-то никакого впечатления (тем более у него на то были веские основания, а именно знание будущего), и он позволил себе поделиться этим соображением со Шруделем:

– Что, неужели он действительно такой талантливый?

– Слушай, старик. Шрудель тебя со всякой шпаной знакомить не будет. У Виталика эту его «Шпалу» в «Континенте» напечатали, между прочим. Отрывки, в смысле. Или один отрывок. Так что поверь мне, мы еще будем когда-нибудь хвастаться, что сидели за одним столом с Баумом. Думаю, в будущем его имя будет известно каждому школьнику. Правда, может, он к тому времени сменит фамилию.

– В смысле?

– Ну, он же не Баум никакой.

– Да? – опешил Гриша. – А кто?

– Антонов. Русский с головы до пят. А Баум – это так, творческий псевдоним. Точнее, фамилия первой жены.

– А зачем?

– Для него это принципиальный вопрос. Говорит, пока у нас в стране есть «пятый пункт», я буду Баумом. Но, между нами, девочками, Антонов – так его фамилия. Если хочешь печататься на Западе, надо создавать себе определенный образ. А семитская фамилия априори вызывает больше симпатии, чем Антонов. Вот нам с тобой в этом плане повезло. Даже менять ничего не надо. Впрочем, он и Антоновым стал бы известным. Или еще станет.

– Не уверен, – пожал плечами Гриша, который не мог раскрыть источника своей неуверенности. – Мне почему-то кажется, что не станет.

– Да? А что ты у него читал? А что ты у меня читал? Что вы, молодежь, вообще читаете? – неожиданно разозлился Шрудель. – Понахватались зарубежных слов, понакупили себе шмоток заграничных, пиздоболок всяких.

– Бейсболок, – поправил Гриша.

– Истории своей не знаете, города родного не знаете, героев не знаете. Россию не любите. Только сидите и ворчите, как старики на печке. Этот не будет знаменитым. Этого читать не будут. Откуда вы только такие наглые беретесь? И еще берете на себя смелость считать себя будущим великой России. Впрочем, весь народ у нас такой. Тупой и косный. И Россию не любит.

Гриша с удивлением отметил, что в его новом друге, оказывается, уживались не только флегматичность с нервозностью, не только самокритичность с самоуверенностью, но еще и национализм с русофобией.

Возражать он не решился, а потому сменил тему.

– А с Довлатовым ты часом не знаком?

– С кем?! – раздраженно прохрипел Шрудель, поморщившись после очередной опрокинутой в себя рюмки водки. Разволновавшись, он зачастил с выпивкой.

– С Довлатовым, – смутился Гриша, мучительно подсчитывая, был ли тот вообще известен кому-либо в 1975-м.

– Нет. А-а, это который в «Вечернем Таллине», что ли? Да нет... видел пару раз в Питере... через общего знакомого. Ну... такой... журналист... что-то там пишет... вполне кондовое. Чуть похуже Вальдмана, чуть получше Синюшникова. И что?

– Да нет... ничего...

– Я тебе таких цельный вагон наберу. Только зачем? Слушай, я же тебя могу познакомить с действительно стоящими людьми. А этих довлатовых забудут через пару лет. О! Видишь того усатого?

Гриша повернул голову и посмотрел в сторону толстого усача, который шел явно по направлению к ним. Рядом семенила молодая загорелая девушка.

– Сейчас познакомлю тебя с таким человеком. Глыба! Матерый человечище! Зеркало русской эволюции.

Когда пара подошла к столику, Шрудель встал и церемонно поцеловал девушке руку (отчего та смутилась и даже покраснела). Затем кивнул толстяку.

– Здравствуйте, Григорий Михалыч.

– Привет, привет, – с легкой одышкой ответил тот.

– Знакомьтесь, это Гриша Гранкер. Ваш тезка. Работает у нас журналистом. Синюш-никова подсиживает, – подмигнул Грише Шрудель. – А очаровательная дама...

– Это Верочка, наша будущая кинозвезда.

Девушка скромно улыбнулась и присела на услужливо пододвинутый Шруделем стул.

– Вот как? – искусственно удивился Шрудель. – Как же, как же, знаем, знаем.

– Горазд же ты заливать, – засмеялся толстяк. – Откуда ты ее можешь знать?

– Ну-у-у... слышали.

– Снялась в прошлом году у Халоева. Я директором был.

– Что за фильм?

– «Сталь будет в срок!» Видел?

– Нет, но название приятно удивляет своей неоригинальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.